

Живое прошлое

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье исследуется понятие когнитивного сопротивления, как оппозиция когнитивному коллаборационизму. Автор ставит под вопрос любые формы внутреннего и внешнего образовательного, информационного и когнитивного империализма и видит своей задачей разработку альтернативных подходов. В качестве одного из примеров подобного подхода анализируется концепция истории как топографии Карла Шлегеля.*

Ключевые слова: *когнитивное сопротивление, когнитивный империализм, когнитивный коллаборационизм, история как топография.*

Контекст

В современной России воспроизводятся свойства советского прошлого: связь власти-собственности и появление новых социальных групп на основе ее передела; социальное расслоение; всевластие политической бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; компромисс между коммунизмом и национализмом; связь социальных наук с политикой и идеологией. В стране преобладают организационные структуры гуманитарного знания, сложившиеся в советское время (всего 75, их них 11 институтов РАН, 21 НИИ, академий, университетов, 14 центров, 11 фондов, которые издают 59 журналов, 17 газет и 35 Интернет-ресурсов). Все эти структуры наследуют сложившуюся при Сталине колониально-имперскую модель отношения между наукой и властью, при которой власть диктует ученым способ поведения.

Россия наследует опыт СССР, в котором хитрость и обман стали нормой, поскольку государство искажало и утаивало информацию. Длительное существование простых людей и ученых в такой атмосфере не благоприятствовало распознаванию лжи и истины. Поэтому манипулирующие субъекты и институты используют обман для достижения собственных целей. Современная российская политика – средоточие лжи.

Происходит редукция к символам «закрытого общества», которые навязываются гражданам как коммерческий продукт. Советская властная «легенда» усвоена массами. Государственная версия отечественной и мировой истории выступает нормой восприятия настоящего и прошлого, отсекая иные оценки. Популяризируется квазинаука (астрология, уфология, квазибиология, квазимедицина, парапсихология, трансперсональная психология,

хронология, история, культурно-цивилизационный подход, теория диалога и консенсуса, геополитика и пр.). Этот мутный поток направляют спецслужбы.

«Научно-обывательское знание» (термин С. Кордонского) базируется на трех мифологемах: объективности знания (убеждении, что реальность классифицирована, проанализирована и объяснена); конструктивности реальности (убеждении в том, что социальное устройство кем-то сделано, сконструировано); управляемости социальными процессами (убеждении о том, что жизнь управляема; что можно и нужно принять единственно верное решение; власть имущие этого решения не принимают и им надо объяснить, кто виноват и кого надо наказывать). Интеллектуальное сообщество России состоит из осколков аппаратов и экспертных институтов прежних и нынешних политических режимов. Все они транслируют указанные мифологемы, заинтересованы в политических технологиях, а не знании.

На развитии социальных наук в России отрицательно сказались коммерциализация и отсутствие критики как условия интеллектуальных инноваций. Отсюда топтание на парадигме «модернизации-либерализации-демократизации-глобализации» (Б. Капустин). Большинство гуманитариев используют материал советологии и постсоветологии, неспособны освободиться от злобы дня, выработать дистанцию для критической рефлексии.

Становление альтернативы

При такой ситуации требуется разработка концепта когнитивного сопротивления и применения его в исследовательской практике. Поясню предмет обсуждения.

В начале XX в. в мире существовало около 60, в конце XX в. – около 240 государств. Возникает вопрос: можно ли считать такой рост числа политических машин нормой социального развития? Ведь эта тенденция привела к двум мировым войнам, холодной войне, бесконечному числу локальных конфликтов, распространению национализма. Все худшие предсказания классиков анархизма подтвердились в XX веке. Каждое государство стремится придать как можно большее значение собственным историческим и социальным процессам. Между тем ни одно из них не интересней другого. И не заслуживает больше «уважения и любви», чем остальные. Но пока нет систем образования, информации и социогуманитарных исследований, которые уделяют истории, событиям и процессам своей страны 1/240 часть времени и средств педагогической, журналистской и научной деятельности. Для создания таких систем надо развивать национальную самокритику.

Нужны концепции, позволяющие поставить под вопрос все формы внутреннего и внешнего образовательного, информационного и когнитивного империализма. Когнитивное сопротивление – это полемика с когнитивным коллаборационизмом и разработка альтернативных подходов. При этом можно использовать:

- концепт «заинтересованного лакейства» П. Джонсона. В России и Европе распространены два шаблона: том, что типы европейского интеллектуала и русского интеллигента противоположны; о том, что русская интеллигенция играет особую роль в гармонизации отношений между властью и обществом. На основании анализа конкретных проблем П. Джонсон показал: нет существенного различия между европейскими интеллектуалами и русскими интеллигентами; феномен «заинтересованного лакейства» фиксирует сходство данных типов.

- сформулированное Г.И. Абелевым понятие «альтернативной науки». В СССР сложилось альтернативное научное сообщество, которое не смешивалось с официальным по причине разных судеб. Оно соединяло свободу с поиском истины, чувствами долга, совести и достоинства в их вечном надындивидуальном измерении. Надо описать данное сообщество в гуманитарных дисциплинах, с использованием методов науковедения.

- нормативную идею Ханны Арендт о политике как сфере воплощения свободы. Эту идею можно дополнить антропологическим принципом политики: речь идет о негативной свободе индивида от своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству, а со-

циального института науки от детерминации материальными, политическими и идеологическими интересами. Этот принцип позволяет сравнивать все системы власти и государств, но ни одну из них не превращает в идеал или критерий для сравнения с другими;

- дескриптивный смысл политики как воплощения абсурда предполагает обобщение:

онтологических, гносеологических, социальных и политических аспектов теории абсурда; классификации всей истории России XX в. по датам газетных публикаций (от 1 января до 31 декабря) с точки зрения абсурда. Социальная и политическая история СССР – это вырождение профессионализма во всех сферах деятельности, включая политику. Эмпирическим материалом может служить пресса и социологические исследования;

- идею Х.У. Гумпрехта о природе моды: провоцировать новые желания и потребности. В итоге индустрия моды завоевала мировой рынок и добилась господства. Отсюда вытекает *парадокс*: в мире моды социальное признание и экономический успех не противоречат эстетической ценности; но при выборе индивидуального стиля попытка идти против течения не считается признаком хорошего вкуса. мода бессмысленна. Если бы у нее был какой-либо смысл, ее приверженцам не хватило бы быстроты реакции, чтобы все время оставаться внутри той реальности, которая задается правилами их игры;

- выводы В.Е. Кемерова о российской философской моде: неприязнь к логике – общее свойство русской и советской интеллигенции; равнодушие к методологии – общая характеристика обществоведов нескольких поколений, включая нынешнее; превалирование словесного творчества над анализом реальных проблем.

Как «заинтересованное лакейство» проявляется в организации и функционировании гуманитарных наук России и влияет на ее интеллектуализм? Для ответа можно использовать общие положения теории моды: индустрия моды *навязывает* потребителю мнимо-новые формы интеллектуальной продукции; эти нововведения *произвольны*, изобретаются бездарями на вершине институтов производства идей и политико-мировоззренческих технологий; бездари-модельеры работают ради увеличения *единомыслия* граждан и *роста объема продаж* продуктов духовного производства; смысл большинства таких продуктов по меньшей мере *дискуссионен*.

Предметом пересмотра могут быть тенденции духовной ситуации России последних 20-ти лет: заимствование западных концепций; воспроизводство учений и доктрин из политического и духовного прошлого страны; поиски религиозной и национальной идеи. Книжные лотки и научные журналы переполнены писаниной на эти темы. В ней можно выделить несколько интеллектуально-политических мод.

Я уже обобщил результаты критического анализа историософии, геополитики и глобалистики, культурно-цивилизационного подхода и его политических следствий, влияния на мировой процесс колонизации и современную ситуацию в России, в том числе на внешнеполитические идеологии России. Внешняя политика Европы и России/СССР воплощала элементы разных идеологий в зависимости от личных пристрастий, конъюнктуры, политического курса. Иллюзия цивилизации переплелась с использованием науки для маскировки колониальной политики. Под маской цивилизации европейские страны (включая Россию) расширяли свои владения. Концепт цивилизации маскировал двойную политику России/СССР и обслуживал *связь* дипломатии, шпионажа и военщины.

Надо детально изучать эту связь. Обобщить опыт применения концепций З. Фрейда, К. Леви-Стросса и М. Фуко для анализа русской философии, литературы и политической культуры России и ее регионов, включая Юг и Кавказ, дискуссии историков, международных политологов по проблеме интересов государственного аппарата России (в монархической, советской и нынешней формах), конкурирующие концепции междисциплинарности, анализа и понимания.

С. Орешкова показала, что для южной политики России XIX-XX вв. характерен отказ от здравого смысла (С. Орешкова). Российские национальные интересы в это время приходят

в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим имперской верхушкой и приведшим в конце концов к национальной трагедии и крушению Российской империи. Такая ситуация воспроизводится до настоящего времени.

Концептологический анализ социальной и политической истории Юга России и Кавказа включает:

- формулировку рабочей гипотезы на основе промежуточного положения Кавказа между Османской и Российской империей и описания множества вытекающих отсюда политико-идеологических следствий;

- изучения универсальных проблем и особенностей процессов распада Османской, Австро-Венгерской и Российской империи/СССР с точки зрения влияния на современную ситуацию Юга России и Кавказа;

- описание проблемы религиозно-политического фундаментализма в христианстве (католичество, православии, протестантизме), исламе, иудаизме на основе новейших работ по религиозной компаративистике;

- анализа перспектив демократии на Кавказе как следствия существования и решения (или бесконечной оттяжки) всех перечисленных проблем.

В целом интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику, процессы производства идей и гуманитарного знания. Отсюда вытекают вопросы: свободны ли ученые, если поддаются этому влиянию? как разделить познавательные интересы и интересы указанных ведомств при производстве научного знания? следует ли считать такое влияние нормой/аномией (в смысле Э. Дюркгейма) или аномалией (в смысле Д. Норта)? свободны или несвободны люди, которые подчиняются данным модам и бездумно (осознанно) создают историософские, геополитические, культурно-цивилизационные тексты? как идти против течения в мире интеллектуально-политических мод?

Для ответа я предлагаю учитывать:

1. Идею Карла Маркса идею о связи революционной, шпионско-провокационной и полицейской деятельности. Политическая полиция терпимо относится к революционным организациям, поскольку они поддаются надзору как «мастерские по производству мятежей» (Маркс) и образуют звено политической манипуляции.

2. «Невидимые пружины» (А.В. Островский) политической карьеры Сталина. Он вышел на общероссийскую, советскую и мировую арену из Кавказа. Был занят организационно-технической деятельностью. Причастные к ней лица редко выступали на митингах и собраниях, мало занимались журналистикой. Зато ведали кадрами, деньгами, связями, партийной разведкой и контрразведкой. Обладали влиянием, которое превосходило их популярность внутри партии и за ее пределами. На этой основе возник блок невидимых связей между большевиками и всеми звеньями государственного аппарата (прежде всего полицейско-бюрократического) Российской империи.

3. Ряд фактов: Е. Азев вышел на общероссийскую политическую арену из Ростова-на-Дону; Северо-кавказские органы ВЧК-ОГПУ-НКВД были одними из самых жестоких в СССР; в период «застоя» руководителями советских республик на Кавказе стали выходцы из МВД-КГБ (Э. Шеварднадзе, Г. Алиев); в постсоветское время эта практика стала общепринятой.

Проблема смещается к поиску интегрирующих концепций, позволяющих учитывать эти идеи, пружины и факты. Кратко рассмотрю одну из предложений.

История как топография

Карл Шлегель сформулировал идеи истории как топографии: история разворачивается во времени и в пространстве; история не существует без общественных деятелей и мест со-

бытий. Он отбрасывает понятия «закономерности», «логика истории», «философия истории», «процесс», «структура», «план»¹. Взамен Шлегель предлагает учитывать «только то, что контингентно, то есть вписывается во множество». Историк движется от одного узла к другому и никогда не приходит к концу. Единственный критерий – это общий рисунок, который проступает из тысячи узлов. Работа историка – это связывание оборванных нитей и восстановление биографий, жизненных переплетений и цепей событий. Ради открытия того, что до сих пор было скрытым.

Шлегель исходит из главного факта XX в.: отношения «Россия – Германия» породили две войны; основная тайна XX в. – в Берлине встретились революционер-интернационалист Карл Радек с Карлом Хаусхофером – тенью Гитлера и основателем геополитики. Надо *разгадать связь* русской коммунистической революции и немецкой геополитики. Для этого Шлегель сводит воедино истории дипломатии, литературы, разведки, культуры, Коминтерна, эмиграции.

Он подвергает детальному анализу *феномен эмиграции*. Русская эмиграция (особенно меньшевики) содействовала созданию американской советологии. Группа «Смена веков» хотела поставить потенциал эмиграции на службу Советской России. Издавала на советские деньги в Берлине с 1922 г. по 1924 г. ежедневную газету «Накануне». Евразийцы толковали русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России должен сложиться новый синтез. «Младороссы» тоже считали большевизм исконно русским явлением. Гестапо отмечало: «Младорусское движение видит в Советском Союзе не представителя большевистской мировой революции, а всего лишь Российскую империю». Именно в этом контексте были сформулированы идеи корпоративизма, третьего пути между либерализмом и большевизмом и национализмом, которые до сих пор не дают спать многим в России.

Русские эмигранты сделали политические страсти Гражданской войны *экстерриториальными*. Советское посольство в Берлине стало крышей шпионажа. В нем находились касса Коминтерна и военного атташе, радиостанция, химическая и фотолаборатория, бюро по выдаче фальшивых паспортов, склад оружия и ядовитых веществ. В торгпредстве СССР была обнаружена серная кислота и приспособления для уничтожения трупов. В советской дипломатии произошло соединение камеры пыток с теорией и практикой коммунизма. Наука тюрьмы, секретности, войны, террора и беспорядков переплелись в советской дипломатии задолго до М. Фуко. Здесь началось *сотрудничество* между немецкими правыми и русскими левыми.

В результате такого сотрудничества дипломатия стала полем *предательства*. Обычно дипломаты изучают страны как будущее поле битвы. Но пакт «Молотов-Риббентроп» разрушил систему коллективной безопасности в Европе. Старые дипломаты были сметены ночными налетчиками в Москве и Берлине. Произошла ликвидация дипломатии.

Раньше секретность считалась залогом успеха дипломатии. Теперь она оказалась одной из причин катастрофы. Раньше транснациональный и элитарный характер профессии дипломата считался необходимым для посредничества в конфликтах. Теперь он стал упреком в адрес «аристократической касты». Общество должно было открыто обсуждать договоры, демократически контролировать международные отношения. Сословие дипломатов вынуждено было «демократизироваться».

Межвоенная дипломатия стояла перед задачей обеспечить стабильность Европе. Но эту задачу было трудно выполнить – изменился набор стран, возникли новые рубежи, государственная раздробленность. Всюду возникали движения за пересмотр границ. Дипломатия стояла перед вызовом от «масс», движений и государств, которые отвергали легитимность институционализированной внешней политики. Дипломатия казалась устаревшей, анахроничной и неестественной перед лицом аутентичных процессов.

¹ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Дипломатия как нормальный институт регулирования межгосударственных отношений оказалась под подозрением. Дипломат должен был выступать посредником между демократией и тоталитарной диктатурой. Он находился в парадоксальной ситуации: если требовал соблюдения канонов демократической дипломатии (открытость, заявления по поводу внутренних обстоятельств страны пребывания), то его дни в СССР и Германии были сочтены; если он следовал канону страны пребывания (повиновение диктатору и его окружению), то он совершал предательство в отношении к демократической дипломатии.

Шлегель ввел *различие* между дипломатией и парадипломатией. До 1921 г. Советская Россия занималась псевдодипломатией. МИД было превращено в НКВД, установленный Венским договором дипломатический порядок отвергнут; не было различия между послами и консулами, что отменяло иерархию крупных и малых государств. Послы стали полпредами, из-за чего возникали трудности с международным протоколом. НКВД поручал представительство своих интересов живущим за рубежом революционерам. На конференциях в Брест-Литовске и Генуе присутствовали рабочие, крестьяне, солдаты. Но в апреле 1922 г. советская делегация явилась в Геную в визитках и брюках в полоску и начала соблюдать этикет. Мир отметил это как возврат Советской России к традиционным формам международных отношений.

В советском представительстве в Берлине старая посольская церковь оставалась центром и опорным пунктом русской белоэмиграции. На территории посольств установилось «двоевластие». Советское посольство было приспособлено для зарубежных заданий, шпионажа и контактов с коммунистическими организациями. *Парадипломатия* – это русско-советский феномен, поскольку она в СССР получила активное развитие по необходимости и по идеологическими причинам. Но парадипломатия возникла и в Германии.

МИД Германии не оказал сопротивления национал-социализму, стал аристократической аномалией в государстве мелких лавочников. После 1938 г. его руководство было кооптировано в СС Гимmlера (во внешнеполитическом ведомстве Розенберга и в Отделе иностранного шпионажа РСХА). Произошла нацификация аппарата. После начала второй мировой войны внешняя политика превратилась в оккупационную политику.

Исходная посылка дипломатии базируется на убеждении: при столкновении противоположных государственных интересов надо сохранять пространство для ведения переговоров. Дипломатия существует потому, что нет другого метода для урегулирования межгосударственных противоречий. Одно правительство может убедить другое правительство только с помощью слов уважаемого человека, дипломатического иммунитета и экстерриториальности. Пока они соблюдаются, нет состояния войны.

Эта форма общения выработана веками. Послы представляют интересы своей страны, но знают, что эти интересы должны быть согласованы с другими. Они представляют государство, а не свои воззрения. Поэтому дипломат отличается от массы людей *индифферентностью чувств*. Он действует как посредник, но не функционер. Легко попадает под подозрение (из-за недостатка и избытка лояльности, потому что находится на периферии – грани, где «свое» соприкасается с «чужим»). Во времена демагогии и истерии он остается инстанцией разума и гарантом минимума объективности, который предохраняет мир от безумия. Всех дипломатов связывает заинтересованность в сохранении статус-кво. В этом смысле *дипломатия – профессиональное масонство*.

Революционеры вначале разрушали дипломатию. Затем использовали лицемерие, маску, цинизм для приглушения идеологической агрессивности большевиков и нацистов. На этой основе выросло *взаимное доверие* между большевиками и нацистами. Дипломаты демонстрировали взаимное согласие. Доверие вытекало из усилий по урегулированию отношений и совпадения политико-стратегических интересов. Оно объединяло людей, которые были едины по происхождению, культуре и опыту. То были «вчерашние люди», сформировавшиеся в «старом мире». Они были *анахронизмом*: аристократической аномалией внутри

мелкой буржуазии в Германии и элитарно-интеллектуальной аномалией внутри крестьянско-пролетарских слоев в советской России. Дипломатические посты всегда занимали «люди с прошлым». У немцев было «русское прошлое», у русских – «немецкое прошлое». Оказалось, что с консервативными представителями СССР легче договориться, чем с социал-демократами, которые воспринимались как идеологические соперники. Сотрудники немецкого посольства в Москве всегда поддерживали сталинский «консерватизм» – возрождение имперских форм и традиций. НКВД более чем на две трети состоял из представителей буржуазной и мелкобуржуазной среды, прежде всего из интеллигенции. Подавляющее большинство имело университетское образование.

Так возникала основа дипломатического мира между Москвой и Берлином.

Дипломат был вынужден выполнять роль шпиона. Посольства всегда вызывали подозрения по ряду причин: персонал чувствовал себя как дома во всем мире; часто дипломаты всю жизнь проводили в чужих странах и говорили на чужих языках; аристократы и революционеры-интернационалисты имели родственные связи за рубежом; их профессия была окутана секретностью, которую можно истолковать как заговор; профессиональная сдержанность могла показаться недостаточной преданностью «национальному» или «пролетарскому» делу; их релятивизм мог быть понят как беспринципность. Короче, они были подвержены упрекам в недостаточной лояльности и в предательстве.

Берлин был центром советского шпионажа. Полигоном, где учились менять фронты и играть с двойной идентичностью, осваивали особые формы передвижения, формировали личности нового типа, частью которых была легенда. Поэтому отделить истинную идентичность от ложной стало невозможно. Эти люди говорили на дюжине языков, вели двенадцать жизней. Поэтому они обладали иначе организованной памятью и несколькими идентичностями. Их личность трудно определить.

Коммунистический агент – это новый культурный тип. Белые генералы верили в победу оружия. Советские агенты мыслили в категориях массового просвещения, пропаганды и манипуляции общественными настроениями. Разоблачениями и листовками они добивались больше, чем бюрократическими процедурами, коварством и интригами. В сфере дипломатии, театра, искусства, подпольной борьбы советский агент оказывался современнее анахроничного противника. В 1937-1938 гг. сменились поколения агентов. Повсюду велась охота за сотрудниками спецслужб, которых подозревали в нелояльности. Большинству известны лишь громкие дела (типа убийства Троцкого), но таких «сведений счетов» было множество. Не случайно у агентов была особенно высока готовность «сменить фронт». ГПУ дало самое большое количество перебежчиков. Здесь сочетались два мотива: привлекательность нормальной жизни за пределами СССР поражала именно новичков; прямая угроза жизни при возвращении в страну чисток. Послевоенные агенты порвали все связи с революционной средой и вернулись к классическому типу шпиона. Они воплощали тип коммунистов – выпускников партийных школ. Головы которых забиты идеологическими клише, а сердца пусты. Для большинства агентов денежное вознаграждение стало решающим мотивом.

Агентурно-геополитический интернационал создавался советскими и немецкими «виртуозами гражданской войны». Галиция – пограничная страна между тремя бывшими империями – была подходящей областью для вербовки в *агентурный интернационал*. Человек из этих краев мог быть агентом польских панов, украинских националистов, немецкого рейхсвера и национал-социализма, венгерской диктатуры Хорти и даже английских спецслужб.

В беседах агентов ГПУ с представителями русской эмиграции, рейхсвера, «Стального шлема», рейхстага члены советского Генштаба изображались как люди с монархическими настроениями – потенциальные или реальные соратники. Следы событий 1937 г. ведут в подпольный Берлин. В них проглядывает симптом: мастера двойной игры и предательства запу-

тались в собственных нитях; и были выведены из игры диктатором. Дело Тухачевского и договор Гитлер-Сталин находились на пересечении действий секретных служб.

Интернационал геополитики начался с контактов К. Хаусхофера, К. Радека и Г. Чичерина в январе 1922 г. Он положил начало Интернационалу геополитики: «Геополитический дискурс был *façon de parler*, в котором XX век стремился понять сам себя и в котором современники, как правые, так и левые, тематизировали взаимосвязь истории и пространства».

Советский шпион Зорге писал статьи для «Журнала геополитики» по Дальнему Востоку, приобрел славу эксперта и поэтому оказался вне подозрений. С К. Хаусхофером были связаны К. Менерт (эксперт по Советскому Союзу и Тихоокеанскому бассейну) и А. Радо – опора советского шпионажа в Швейцарии. Интерес К. Хаусхофера к «вопросам пространства» и континентальным взаимосвязям не ограничивался политическими идеями правых. О. Нидермайер – закадычный друг К. Хаусхофера, профессор военной географии в Берлинском университете, был в 1921-1930 гг. секретным связным между рейхсвером и Красной армией. В 1937 г. Гитлер назначил его директором Института обороны. Научные амбиции Нидермайера и его контакт с Красной армией полностью соответствовали этнонациональной политике национал-социалистов.

От «осевой линии истории» к «континентальному блоку». Жаргон геополитики произведен от «экспорта революции», который практиковали все европейские колониальные державы (англичане против Турции на Ближнем Востоке и в Средней Азии, немцы против британцев в Индии, Персии, Афганистане, России). Для Хаусхофера заключение пакта Молотов-Риббентроп воплотило мечту, которую он лелеял всю жизнь. Вращению вокруг «оси истории» соответствует определенный личный состав. Макиндер был не только географом, но и британским связным с Белой армией Врангеля на Юге России в 1919 г. Все сотрудники «Журнала геополитики» были околдованы Россией, в том числе советской. Нидермайер писал Хаусхоферу 4 апреля 1929 г. о СССР: «Это, пожалуй, одно из самых сильных моих впечатлений здесь: здоровый народ и растут будущие вожди».

Ментальные карты и геополитика Коминтерна. К. Радек, Л. Карахан и советский генералитет заинтересовались работами К. Хаусхофера потому, что СССР нуждался в союзнике, который бы помог ей избежать «окружения» со стороны Антанты. Но за общими геополитическими целями стояло большее, чем совпадение интересов власти и стратегических расчетов. «Геополитика выступала в роли модуса мышления, формы взаимопонимания относительно положения в мире, и этой формой можно было пользоваться независимо от принадлежности к тому или иному политическому лагерю». К. Хаусхофер был убежден, что геополитика – научный фундамент для политических решений, вне зависимости от политических и идеологических целей.

Совпадение интересов К. Хаусхофера и К. Радека объясняется рядом причин: 1. Традиционным интересом немецких ученых и путешественников (от В. Гумбольта до немцев на русской службе) к географии и пространственным структурам России. 2. В русской культуре географическое пространство заняло одно из центральных мест в осмыслении исторических судеб. От Чаадаева идет тезис «география как судьба». Все русское историческое мышление вплоть до сего дня – это пространственное мышление. 3. Наличие общей географической школы (П. Семенов-Тянь-Шанский учился в Карла Риттера, основателя немецкой географической науки).

Эта традиция не оборвалась в результате революции. Метатеория К. Хаусхофера нашла отклик в левом лагере наряду с марксизмом, который игнорировал пространственные представления консерватизма и делал акцент на труд и производственные отношения. В 1920-е гг. марксистская литература по геополитике выступала под видом «экономической географии». К. Витфогель тоже занимался этой проблемой и хвалил Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера. Так *правые объединились с левыми*. Революционные левые тоже имели карты мира, благодаря которым эпоха мировых войн обобщалась в пространственных представлениях проти-

востоящих сторон. Карта классовой борьбы накладывалась на карту межнациональной борьбы, пролетарская топография – на этническую. В революционном мышлении картина мира определяется как противоречие между трудом и капиталом, мировым пролетариатом и империализмом. В этом контексте выделяются основные и вторичные противоречия, фронты классовой борьбы и кризисы легитимации, противоречия между верхами и низами: «Становление Советской России можно наглядно выразить в пространственном измерении: это образование, расположенное между «прорывом самого слабого звена цепи» и консолидацией СССР как «одной шестой части всей земли». На каждом очередном этапе революция опиралась на соответствующую ему «геополитику». Метаморфозам власти соответствуют метаморфозы геополитических представлений».

В этом контексте сложилось несколько типов геополитики: 1. Геополитика подрывных действий и солидарности открыла для себя портовые города Европы и Азии. 2. Политика самоутверждения революции сделала ставку на столицы как базы для операций против «реакционной деревни». 3. Геополитика государств-лимитрофов, санитарных кордонов и буферных государств. 4. Имперская геополитика СССР занималась разделом зон влияния и присоединением к себе аннексированных территорий. В 1920-е гг. Красный флот занимался тезисом Макиндера о «хартленде», а командующие Красной армией требовали усиления просветительской работы по политгеографии. Сталин был единственным, кто не пренебрегал классическими максимумами консервативной геополитики. С этой точки зрения вероятны слухи о том, что К. Хаусхофер – геополитический советник Сталина².

Гитлер положил глаз не на Индию, а на расположенную рядом колониальную страну Восточной Европы. С началом гитлеровской агрессии против Восточной Европы железнодорожные фантазии разрослись как сорняки. Восточное пространство надлежало освоить с помощью сети шоссейных и ширококолейных железных дорог. Сходные фантазии и проекты существовали и на советской стороне.

Немецко-советские военные связи. Военный опыт породил прочные связи между людьми. Эти связи несравнимы с другими, ибо они складываются в борьбе не на жизнь, а на смерть. Фронтовики не принимают в свой круг тех, у кого нет такого опыта. Война между русскими и немцами – это главный общий опыт, негативный общий капитал, который наследуют и более поздние поколения. Но в случае России и Германии оказались по разные линии фронта две группы военных командиров, лично знавших друг друга.

Войне 1941-45 гг. предшествовали почти 20 лет сотрудничества. Армия реакции оказалась тесно связанной с армией революции. Так воплотилось в жизнь предупреждение Розы Люксембург о гибриде Ленина и Гинденбурга. Сотрудничество рейхсвера и Красной армии – реально-политическая, неидеологизированная сторона XX века. Речь идет о деликатных и в то же время элементарных вещах – поведении профессиональной группы, которая в эпоху мировых войн приобрела решающее значение. Восстановление порядка на руинах мировой и гражданской войны объединило русскую и немецкую военные элиты. Это давало возможность покончить со старым и создать нечто новое: современные армии. СССР и Германия – ядро агрессивного ревизионизма, ядром которого была антипольская установка. Солдатские добродетели и офицерская этика значили больше, чем мировоззренческие разногласия. Государственный интерес перевешивал представления обеих сторон об общественном устройстве. Они видели в себе патриотов и специалистов, «неполитический инструмент» государственности, и потому держались в стороне от идеологов и политиков. Это объединяло военных разных убеждений в «солдатский Интернационал». У них была общая неприязнь к ми-

---

² После поражения Германии К.Хаусхофер сочинил «Апологию геополитики», в которой опровергал представление о себе как духовном отце национал-социалистской «борьбы за жизненное пространство». Он называл геополитику порождением необходимости, инструментом анализа и ревизии обстоятельств, в которых Германия очутилась в результате Версальского мира. 10 мая 1946 г. К.Хаусхофер вместе с женой покончили жизнь самоубийством.

тинговой демократии, партийной политике и экспериментам времен гражданской войны. Красные и немецкие генералы подавляли крестьянские восстания (М. Тухачевский и Ханс фон Зеект – самые яркие примеры). А. Власов и Паулюс выразили общую тенденцию к предательству.

Разумеется, современная когнитивная ситуация не сводится к концепции К. Шлегеля. Но она позволяет еще раз поставить насущные вопросы: почему в современной России воспроизводятся все перечисленные концепции, вплоть до их институционализации? неужели фашисты оказались «впереди планеты всей» в производстве идей? какие концепции и практические методы использовать для противодействия этой тенденции?